
Источник: Евгений Замятин. Избранное, М: Правда, 1989.
OCR В. Есаулов, февраль 2005 г.

Как всегда, на взморье - к пароходу - с берега побежали карбаса. Чего-нибудь да привез пароход: мучицы, сольцы, сахарку.

На море бегали беляки, карбаса ходили вниз-вверх. Тарахтела лебедка, травила ящики вниз, на карбаса.

- Все, что ли, а? - и уж хотели было поморы

обратно вернуть, но тут вышло происшествие необычайное: с парохода по лесенке стали спускаться господа какие-то.

- Это... господам-то... куда же? - опешили карбаса.

- Но-о, глазами захопал! Не видишь, в Кереметь к вам? Принимай живей. Ерупи-итка!

Принимать пришлось Федору Волкову. Было их двое господ да одна девушка ихняя. И то разговаривают все по-нашему, по-нашему, а то примутся еще по-какому-то. Подивился Федор Волков.

- Вы, господа, сами-то родом откулева же будете?

А господа веселые. Переусмехнулись между собой, да и говорит, который бритый:

- Мы-то? - подмигнул, - из Африки мы.

- Из А-африки? Да неуж и по-нашему там говорят?

- Там, брат, на всех языках говорят...

А девушка ихняя засмеялась. Чему засмеялась - неведомо, а только - хорошо засмеялась и хорошо на Федора Волкова поглядела: на плечи его страшные; на голову-колгушку, по-ребячьи стриженную; на маленькие глазки нерпичьи.

Показал Федор Волков господам приезжим отводную квартиру: держал нынче квартиру Пимен, двоеданского начетчика племяш. Хорошая изба была, чистая.

Сел Федор Волков на камушке у ворот. В тишине сумерной было явственно слышно, как они там в избе разговаривали, то по-нашему, то по-своему опять. А потом заиграла девушка ихняя песню. Да такую какую-то, что у Федора инда в груди затеснило, вот какая грусть, а об чем - неведомо. И дивно было: девушка, будто, веселая, а этак поет?

Век бы ее слушал, да поздно уж: хочешь-не-хочешь, время - спать.

Ночь светлая, майская. По-настоящему не садилось солнце, а так только принагнется, по морю поплывет - и все море распишет золотыми выкружками, алыми закомаринами, лазоревыми лясами.

Не то во сне снилось Федору Волкову, не то впрямь это было: будто, опять пела девушка ихняя, а он, будто, встал, оделся и по улице пошел: поглядеть, где же это она поет-то ночью?

Идет мимо Ильдиного камня, а на камне белая гага спит - не шелохнется, спит,-- а глаза открыты, и все, белое, спит с глазами открытыми: улицы изб явственных глазу до сучка последнего; вода в лещинках меж камней; на камне - белая гага. И страшно ступить погромче: снимется белая гага, совьется - улетит белая ночь, умолкнет девушка петь.

И опять - не то сон, не то явь, а только будто окно - темное, она - белая в окне-то и, будто, шепотом, шепотом так Федору Волкову:

- Они спать полегли. А я не могу спать, - как же спать? А ты, милый, пришел, вот спасибо тебе...

И еще - будто из окна нагнулась, обхватила Федора Волкова голову - и к себе прижала. А руки у ней, и грудь у ней - так пахнули - только во сне так и может присниться.

Днем возил Федор Волков господ из Африки. На семгу ярус закидывали, лежали на ярусе два часа. И все глядел Федор на девушку ихнюю и глазами пытал: ночью - во сне ли она приснилась или...

К вечеру вернулся обратно пароход, стал на взморье и загудел. И опять Федору же вышло везти к пароходу гостей приезжих.

- Ну, Федор Волков, прощай. В Африку-то приезжай к нам...- и засмеялись все трое.

И взяло тут сомнение Федора Волкова: не потешаются ли они над ним с Африкой с этой? Мотнул стриженной колгушкой своей:

- А ну-ко-сь ей нету, Африки-то? Приедешь - ей нету? а то бы я приехал